О древней владимірской лѣтописи.

(Наблюденія и замѣтки).

I.

Извѣстно, какъ съ легкой руки кіевскихъ лѣтописцевъ широко распространилось у насъ лѣтописаніе: это мменно, книжные кіевляне XI и XII вѣковъ дали ему высокій тонъ-показали его манеру, образцы исполненія. И такъ какъ начальная кіевская лѣтопись, по своей точкѣ зрѣнія и по содержанію, есть общерусская, ибо касается не одного Кіева а также Новгорода и всѣхъ областей тогдашней Руси, на сколько онѣ были извѣстны въ стольномъ Кіевѣ, то по сему легко было воспользоваться ею въ любой области для того, чтобы на основѣ ея завести свою мѣстную лѣтопись: стоило начать дѣлать приписки къ старой кіевской лѣтописи новыхъ, мѣстныхъ извѣстій, и эти приписки въ скоромъ времени срастались болѣе или менѣе органически съ кіевскимъ сводомъ. Такъ, въ частности, было въ стольномъ городѣ Андрея Юрьевича Боголюбскаго, во Владимірѣ на Клязьмѣ: здѣсь, со второй половины XII вѣка, повелась своя лѣтопись, въ непосредственной связи съ кіевскою, какъ бы въ видѣ продолженія ея, о мѣстныхъ владимірскихъ и общерусскихъ событіяхъ, съ точки зрѣнія владимірской.

Въ дальнѣйшее время лѣтопись становилась дѣломъ болѣе сложнымъ Въ обѣихъ половинахъ русскаго міра,—въ Московскомъ государствѣ и въ Западнорусскомъ литовскомъ—она непрерывно продолжается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, естественно идущихъ рядомъ, рука объ руку: съ одной стороны, по слѣдамъ событій, современниками ихъ ведутся свѣжія записи извѣстій, или лѣтописи въ собственномъ смыслѣ, въ ихъ первоначальномъ, простѣйшемъ видѣ; съ другой стороны, эти свѣжія записи тогда же вносятся въ своды и сборники, на пополненіе ихъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастаютъ объемомъ, числомъ эти своды и сборники, различные по подбору извѣстій, по расположенію ихъ; рядомъ съ объемистыми сводами и сборниками появляются и сокращенныя изложенія, выборки. При этомъ вольно и невольно въ первичномъ текстѣ лѣтописей допускаются перемѣны, болѣе или менѣе значительныя: распространенія, дополненія, вставки, либо же, наоборотъ, пропуски, сокращенія, примѣнительно къ плану и задачѣ редактора лѣтописей, или просто по его усмотрѣнію и вкусу. Древнія кіевскія лѣтописи кажутся уже отдаленною стариной, въ которой не все понятно и не все интересно сѣверному лѣтописателю, почему онъ многое сокращаетъ изъ того, что такъ охотно, такъ живо описывали кіевляне, волынцы, галичане XII—XIII вѣковъ. (Имѣю въ виду Ипатьевскій сводъ, съ очевидными въ немъ сокращеніями стараго текста южно-русской лѣтописи, удерживающей впрочемъ и послѣ сихъ сокращеній свой отличительный характеръ). И языкъ древнихъ кіевскихъ лѣтописей не вполнѣ уже понятенъ людямъ московскаго времени, по крайней мѣрѣ что касается отдѣльныхъ выраженій и словъ, замѣняемыхъ иногда несоотвѣтственными новыми. Ошибки въ лѣтосчисленіи, происходившія частію по недосмотру, частію по неискусному переводу одного счета годовъ на другой, могли бы, конечно, скоро быть поправлены, при помощи пасхаліи, но не всѣ лѣтописцы пользовались ею, и потому ошибки въ разстановкѣ годовъ оставались иногда за нѣсколько лѣтъ къ ряду непоправленными. Накоплялись, хотя отчасти и поправлялись скоро, разныя ошибки въ текстѣ отъ небрежнаго переписыванія, которое можно замѣтить иногда по самому почерку рукописи, слишкомъ торопливому; въ самомъ дѣлѣ, не одни только духовныя лица, въ родѣ идеально добросовѣстнаго „Пимена“, да дѣловитые дьяки и подъячіе занимались, по порученію власти, лѣтописаніемъ; рядомъ съ ними, конечно, существовали простые ремесленники—писцы, которые наскоро выполняли данный имъ заказъ, копируя неаккуратно одинъ списокъ съ другаго, быть можетъ столько же неисправнаго. (Разумѣю въ особенности списки частной редакціи, неоффиціальной). Таковъ вкратцѣ примѣрно былъ процессъ лѣтописанія; не всегда онъ былъ тщательно выдержаннымъ. Повторяю: легко было дѣлать приписки новыхъ извѣстій къ готовому лѣтописному своду, гораздо труднѣе становилось выполнить какъ слѣдуетъ редакторскую работу надъ большимъ сводомъ, или надъ сборникомъ лѣтописей за нѣсколько столѣтій, гдѣ требовалось выдержать намѣченный планъ, дать полное изложеніе матеріала, выбраннаго изъ разныхъ источниковъ, старыхъ и новыхъ, при этомъ не выходить изъ спокойнаго тона лѣтописателя, пишущаго

только одно „дѣло“, факты, не вдаваться въ тонъ моралиста и публициста, ни въ чемъ не измѣнять смысла старыхъ лѣтописей, ничѣмъ существеннымъ не жертвовать для внѣшней стройности, или для прикрасъ рѣчи. (Напомнимъ здѣсь, что московскому лѣтописцу XV вѣка древній кіевлянинъ Сильвестръ выдубицкій, „не украшая пишущій“, представлялся образцомъ, достойнымъ подражанія, и едва ли ужъ достижимымъ: Русск. лѣтопись по Никонову сп. V, 28). Ясное дѣло, что далеко не всякъ списатель могъ быть вмѣстѣ и редакторомъ лѣтописнаго большого труда: для этого требовалось извѣстное умѣнье, авторская тщательность, вкусъ и добросовѣстность въ отношеніи старыхъ текстовъ; между тѣмъ рѣдкій переписчикъ у насъ оставался въ простой роли точнаго передатчика текста, а не хотѣлъ бы дѣлать прибавокъ къ нему и убавокъ; мы не имѣемъ, кажется, ни одного списка дословно сходнаго съ другимъ спискомъ той же лѣтописи,—ясное доказательство, что переписчики не были строги и точны въ передачѣ лѣтописныхъ текстовъ. Иное дѣло редакторы сводовъ и сборниковъ: лучшіе изъ нихъ относились, конечно, болѣе строго и съ большимъ вкусомъ къ старымъ лѣтописямъ, и успѣвали положить иногда очень прочный отпечатокъ на редактируемые труды: тотъ фактъ весьма замѣчателенъ, что основные типичные своды и сборники лѣтописные, отъ XIV вѣка по XVII, кіевскіе, новгородскіе и псковскіе, типы Лаврентьевскаго разряда и Ипатьевскаго, софійскіе, воскресенскіе, никоновскіе, такъ и сохраняютъ свой типъ, т.-е. свой планъ изложенія, свой составъ извѣстій, по которымъ сразу можно узнать ихъ, отличить одинъ отъ другаго. Слѣдовательно, далеко не все сглаживалось въ старыхъ текстахъ послѣдующими списателями лѣтописей и редакторами; много извѣстій и характерныхъ сужденій современниковъ оставались въ ихъ первоначальномъ видѣ. Вообще редакціонныя измѣненія не простирались до передѣлки, слишкомъ произвольной, или до того, что называется искаженіемъ: вѣдь, ошибки, домыслы, свободный пересказъ, сокращенія и распространенія списателей не суть все таки намѣренное, тенденціозное искаженіе текста. И никакъ нельзя забывать того важнаго обстоятельства, что уже съ древнихъ временъ лѣтопись была публичнымъ, земскимъ дѣломъ, что въ кіевское и въ московское время она велась обычно по распоряженію власти, духовной и свѣтской, съ вѣдома ея и подъ ея надзоромъ; она велась, какъ дѣловая книга для справокъ и доказательствъ на будущее время; публичность, оффиціальность лѣтописи—до извѣстной степени порука за ея достовѣрность и правдивость, насколько возможна правдивость писателямъ, говорящимъ про дѣла земскія, государственныя, вслухъ своихъ современниковъ: въ общихъ

чертахъ лѣтопись несомнѣнно есть достовѣрный, даже правдивый памятникъ прошлаго, по намѣреніямъ тѣхъ, кто ее велъ и редактировалъ.

Для исторіи наши старинныя лѣтописи—необходимый источникъ, обильный количествомъ извѣстій, въ большинствѣ надежныхъ, доброкачественныхъ; не даромъ посему лучшія у насъ лѣтописи, въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, тщательно приводились въ извѣстность, изучались сами въ себѣ, по правиламъ строгой критики, и хотя медленно, но все таки приготовлялись къ печатному изданію: все лучшее, существенное содержаніе ихъ уже вошло въ исторію. Но остается еще не мало дѣла надъ лѣтописями. Требуется еще болѣе тщательное, детальное изученіе со стороны содержанія и состава не только главныхъ, типическихъ сводовъ, но и другихъ не столь опредѣленнаго типа и второстепеннаго наченія сводовъ и сборниковъ; нужны повторительныя изданія лучшихъ лѣтописныхъ сводовъ XIV и XV вѣковъ, съ критическимъ аппаратомъ, съ исчерпывающими историко-археологическими указателями; въ лѣтописяхъ не все дослѣдовано изъ того, что относится до внутренняго частнаго быта древней Россіи, до языка, литературы: вѣдь лѣтописи, помимо дѣловаго ихъ содержанія, хотѣли быть еще сборниками назидательнаго чтенія, и потому включали въ себя не мало литературныхъ статей.

Въ наше время отечественными лѣтописями много занятъ академикъ А. А. Шахматовъ. Онъ—достойный продолжатель дѣла прежнихъ славныхъ академиковъ: Строева, Погодина, Срезневскаго, Сухомлинова, Бестужева-Рюмина и иныхъ многихъ уже изслѣдователей, въ свое время посильно потрудившихся надъ разысканіемъ, объясненіемъ, изданіемъ лѣтописей. Академикъ Шахматовъ—выдающійся работникъ. Съ неослабнымъ вниманіемъ, съ терпѣніемъ, можно сказать, удивительнымъ, онъ изслѣдуетъ лѣтописи, печатныя и въ рукописяхъ, со стороны ихъ происхожденія и состава; ищетъ прототиповъ и источники сводовъ; устанавливаетъ границы ихъ и постепенныя наслоенія внутри каждаго большого свода, вообще желаетъ уяснить по возможности весь сполна внутренній процессъ древняго русскаго лѣтописанія. Тонкій анализъ и широкій синтезъ поочередно примѣняются имъ къ изученію этого длиннаго, вѣковаго процесса, иногда запутаннаго; изслѣдователю о многомъ приходится догадываться, предполагать, какъ о необходимомъ, а потомъ доказывать, уяснять это необходимое; ставя себѣ крупныя задачи, г. Шахматовъ смѣло берется за дѣло, не отступаетъ передъ трудностями, а ведетъ иногда очень сложныя доказательства, длиннымъ путемъ подходитъ къ рѣшенію или уясненію задачъ. Конечно, не всѣ выводы у него точные, вполнѣ убѣдительно дока-

занные; не разъ и самъ онъ оговаривается, что даетъ пока предположительные или примѣрные выводы; но и предположенія такого свѣдущаго, добросовѣстнаго изслѣдователя, каковъ г. академикъ Шахматовъ, имѣютъ большую цѣну. Русская историческая наука можетъ ждать впереди отъ академика Шахматова новыхъ, еще болѣе отчетливыхъ, для всѣхъ сполна убѣдительныхъ изслѣдованій.

Одно изъ новыхъ его изслѣдованій посвящено древней лѣтописи владимірской. Въ 1902 г. Обществомъ любителей древней письменности было сдѣлано великолѣпное изданіе Радзивиловской, иначе Кенигсбергской лѣтописи, русскаго лицеваго сборника конца XV вѣка; въ сборникѣ содержится начальная кіевская лѣтопись, съ припиской игумена Сильвестра, какъ и въ Лаврентьевскомъ кодексѣ, затѣмъ продолженіе ея за XII вѣкъ и мѣстная лѣтопись владимірская за вторую половину XII вѣка и до 1206 года включительно; въ концѣ двѣ небольшія литературныя статьи. Весь кодексъ изданъ свѣтопечатнымъ механическимъ способомъ со всѣми рисунками, со всѣми приписками старыми и новыми лѣтописнаго и иного рода. Одновременно съ изданіемъ памятника рядомъ отпечатано изслѣдованіе о немъ г. академика Шахматова, съ прибавленіемъ замѣтки г. академика Кондакова о миньятюрахъ кодекса. Позволю себѣ передать здѣсь вкратцѣ главные выводы перваго академика о владимірской лѣтописи вообще, о Радзивиловскомъ сводѣ въ частности; я долженъ въ своихъ наблюденіяхъ и замѣткахъ отправиться отъ его замѣчательнаго труда; я многое узналъ и многому научился впервые изъ этого труда; мнѣ лучше будетъ сообщить выводы ученаго академика подлинными его словами, или въ близкомъ пересказѣ.

„Лѣтопись Владиміра Суздальскаго – говоритъ онъ, началась во времена Андрея Боголюбскаго. Она велась, повидимому, при церкви св. Богородицы Золотоверхой, заложенной въ 1158 г. Первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году; въ основаніе его положена кіевская лѣтопись въ редакціи, доходившей какъ кажется до 1175 года“, съ прибавленіемъ разныхъ записей суздальскихъ и владимірскихъ; другая редакція владимірскаго свода составлена около 1192 года, съ цѣлію дополнить и исправить первый, что составитель и дѣлалъ въ качествѣ современника—владимірца, да пользуясь еще лѣтописью Переяславля южнаго, иначе русскаго. „Третій владимірскій сводъ, о которомъ мы можемъ говорить, доходилъ предположительно до 1216 года, т.-е. года Липецкой битвы, иначе Юрьевой рати 21 апрѣля того года; повидимому, въ томъ же году составлена лѣтопись Переяславля суздальскаго“, на основаніи владимірской и иныхъ лѣтописей, съ дополненіями и редакціонными пере-

мѣнами составителя, мѣстнаго переяславскаго жителя [1]). Около того же времени и въ Ростовѣ явилась попытка составить свою мѣстную лѣтопись: „составленіе ея,—соображаетъ г. Шахматовъ, повидимому, было возложено“ на мѣстнаго епископа Кирилла, который въ 1216 году, изъ чернецовъ суздальскаго монастыря св. Димитрія, сталъ ростовскимъ епископомъ, и управлялъ епархіей до 1227—28 г., когда по болѣзни оставилъ свою должность, и ушелъ обратно въ Суздаль, въ Димитріевскій монастырь; эта ростовская лѣтопись повелась на основѣ перваго владимірскаго свода, а не втораго, болѣе новаго, на что г. Шахматовъ указываетъ свою причину. (Смотр. въ изслѣдованіи его стр. 95). „Въ началѣ XIV столѣтія митрополитъ Петръ задумалъ составить общерусскій лѣтописный сводъ, куда были бы внесены событія всея русскія митрополіи“. Было рѣшено довести сводъ до 1305 года, когда скончался предшественникъ Петра на владимірской каѳедрѣ, Максимъ, первый титуловавшій себя митрополитомъ „всея Руси“, и единственный жившій и скончавшійся, и похороненный во Владимірѣ митрополитъ; лѣтописи владимірскія и Переяславля суздальскаго были въ числѣ главныхъ источниковъ для задуманнаго свода; съ своей стороны редакторъ внесъ нѣкоторыя дополненія и поправки, не всегда однако удачныя, по наблюденіямъ г. Шахматова, иногда совсѣмъ даже неправильныя: „несомнѣнно ему принадлежитъ ошибочное упоминаніе въ трехъ мѣстахъ, будто пять главъ Владимірскаго собора сооружены Андреемъ Боголюбскимъ [2]); на самомъ дѣлѣ Андрей построилъ храмъ съ однимъ лишь верхомъ, а остальные четыре приставлены Всеволодомъ въ 1194 году.... То обстоятельство,—продолжаетъ г. Шахматовъ, что общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV вѣка составленъ при Владимірской митрополіи, объясняетъ намъ, почему въ немъ расширена сравнительно съ болѣе древними

---

[1]) Такъ названный „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“, изданный княземъ Оболенскимъ, сохранился въ сборникѣ XV вѣка Главн. Архива М. И. Д. въ Москвѣ, рядомъ съ замѣчательнымъ переводнымъ хронографомъ; онъ же въ небольшомъ отрывкѣ встрѣтился въ одномъ сборникѣ г. Никифорова, изданномъ г. Бѣлокуровымъ.

Въ свое время я напечаталъ небольшую статью объ этомъ лѣтописцѣ, предпославъ въ ней изслѣдованію какъ и здѣсь, нѣсколько общихъ соображеній о древнерусскомъ лѣтописаніи: прошу смотр. ее въ „Сборникѣ историко-филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко“, том. III, за 1900 годъ.

[2]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку (въ которой отразился лѣтописный сводъ начала XIV вѣка) подъ 1158 г. на стран. 337, подъ 1175 год. на стр. 395, подъ 1185 г. на стран. 426. (Цитую 2-е изданіе Ипат. лѣтоп. Археограф. Коммиссіи). Сравн. въ изслѣдованіи академика Шахматова стр. 97—98 съ соотв. примѣчаніями; предыдущія выписки сдѣланы вообще изъ IV-й главы его изслѣдованія, гдѣ даются „Итоги изслѣдованія“.

суздальскими лѣтописями, похвала Андрею, основателю соборнаго храма во Владимірѣ, причемъ описанію храма и восхваленію его благолѣпія удѣленъ значительный по объему отрывокъ, и самое убіеніе Андрея разсказано подробнѣе“ [1]). Слѣдуютъ дальнѣйшіе своды, обозрѣніе которыхъ будемъ продолжать съ ученымъ академикомъ. „Общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV вѣка легъ въ основаніе Ипатьевской лѣтописи, памятника конца XIV, или начала XV вѣка, а съ другой стороны—полихрона 1423 года“, новаго общерусскаго свода, составленнаго также по распоряженію митрополита, именно м. Фотія. Онъ составленъ во Владимірѣ и называется „владимірскій полихронъ“ [2]). Любопытно опять знать, какъ этотъ новый сводъ представляетъ дѣло о куполахъ, или „верхахъ“ Владимірскаго Успенскаго собора: оказывается, онъ даетъ поправку къ прежнему своду начала XIV вѣка; онъ утверждаетъ, что князь Андрей заложилъ въ 1158 году церковь камену объ единомъ версѣ, и въ другой разъ, подъ 1212 год., по случаю кончины Всеволода, что церковь Пречистыя Богородицы въ Володимерѣ созда братъ его Андрей, прежде объ единомъ версѣ, потомъ же онъ, т.-е. Всеволодъ, пристави 4 верхи, и тако же позлати ихъ [3]).

Эти извѣстія лѣтописей о Владимірскомъ соборѣ, составлявшихся при этомъ самомъ соборѣ, на мой взглядъ характерны: во Владимірѣ всегда благоговѣйно, съ радостью чтутъ мѣстный соборъ съ его святынями, это дивное созданіе Андрея и Всеволода; и въ Москвѣ интересуются владимірскимъ храмомъ, какъ митрополичьимъ каѳедральнымъ, и какъ такимъ храмомъ, гдѣ великіе князья торжественно, къ ряду нѣсколько вѣковъ, совершали священный обрядъ вступленія на великокняжескій столъ; въ концѣ XV вѣка, изъ Москвы во Владиміръ нарочито, по приказанію великаго князя, пріѣзжаетъ итальянскій художникъ, Аристотель Фіоравенти познакомиться съ мѣстнымъ соборомъ, и быть можетъ воспользоваться опытомъ знакомства съ нимъ для

---

[1]) Та же Ипатьев. лѣтоп. стр. 394—403. Тамъ, на этомъ значительномъ количествѣ печатныхъ страницъ, содержится дѣйствительно очень обстоятельное, очень сочувственное благовѣрному Андрею сказаніе, написанное быть можетъ кіевляниномъ Кузьмой. Со временемъ я надѣюсь разобрать его и другія сказанія о кончинѣ Андрея, о наказаніи якобы его убійцъ, о соучастіи въ преступленіи его жены и проч. (Не видать, чтобы убійцы дѣйствительно понесли заслуженное наказаніе).

[2]) Такое выраженіе встрѣчается, напримѣръ, въ Тверской лѣтописи, сборникѣ XVI вѣка. Полн. собр. р. лѣтопис., XV, столб. 465.

[3]) Въ изслѣдованіи г. Шахматова, на стр. 98, указываются лѣтописи Софійск. I, Новгор. IV, Воскресенск., Львовская, въ коихъ отразился полихронъ начала XV вѣка, и приведенныя мѣста о соборѣ, которыя я передаю въ текстѣ, въ пересказѣ.

постройки Успенскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ,— и при всемъ этомъ владимірскія и московскія лѣтописи колеблются въ ихъ показаніяхъ на счетъ первоначальнаго вида „верховъ“ Владимірскаго Успенскаго собора, было ли ихъ съ перваго раза пять, или только одинъ. Въ самомъ Владимірѣ, среди духовенства и жителей, могла позабыться эта важная подробность: съ одной стороны, отъ постройки собора Андреемъ и до надстройки его Всеволодомъ прошло сравнительно небольшое время (около 30 лѣтъ), которое въ перспективѣ вѣковъ сокращалось еще на меньшее время, и какъ бы даже до одного момента; а съ другой стороны, то несомнѣнно засвидѣтельствовано въ лѣтописяхъ, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, отъ XII по XV, внѣшность собора не мало потерпѣла отъ нѣсколькихъ пожаровъ и поправокъ: въ результатѣ было то, что позднѣйшія поколѣнія владимірскихъ жителей уже не знали о первоначальномъ видѣ собора. Мнѣ неизвѣстно, есть ли гдѣ нибудь на древнихъ иконахъ, или въ миньятюрахъ рукописей изображенія Владимірскаго собора, кромѣ миньятюръ Радзивиловскаго списка: въ этомъ спискѣ соборъ нарисованъ нѣсколько разъ, хотя не столь отчетливо, не совершенно: въ разсказѣ о событіяхъ 1177 года, слѣдов. до пожара собора и возобновленія его при Всеволодѣ Юрьевичѣ, онъ виднѣется на одномъ рисункѣ одноглавымъ, на другомъ— пятиглавымъ; подъ 1185 г., по случаю большого владимірскаго пожара, когда повредился и соборъ Андрея Юрьевича, онъ изображенъ опять одноглавымъ. Выходитъ опять тоже колебаніе. Напомню кстати здѣсь же тотъ любопытный выводъ академика Шахматова, что рисунки Радзивиловскаго списка, какъ и самый текстъ лѣтописи, воспроизводятъ иллюстрированный памятникъ XIII вѣка, времени Ярослава Всеволодовича, князя переславскаго, (т.-е. сѣвернаго или суздальскаго Переяславля), послѣ и великаго князя владимірскаго, хотя мы, конечно, не можемъ знать, лучше ли были въ рукописи XIII вѣка картинки, чѣмъ въ Радзивиловской рукописи конца XV вѣка [1]).

Прошу извиненія за то, что удалился нѣсколько въ сторону отъ главной темы, и возвращаюсь къ выводамъ

---

[1]) Изслѣдованіе г. Шахматова, стр. 103; снес. стр. 30. Текстъ Радзивилов. или Кенигсберг. лѣтописи стран. 222, страница передъ 226-ю и стр. 230.

О наружномъ видѣ Успенскаго собора во Владимірѣ и о числѣ куполовъ на немъ соображенія разныхъ ученыхъ изслѣдователей приводятся въ книгѣ Д. Н. Бережкова, О храмахъ Владимірско-суздальскаго княжества XII—XIII вв., на стран. 5—13, 43—46. (Владиміръ на Клязьмѣ, 1902; отдѣльн. оттискъ изъ V-й книги „Трудовъ Владимірск. учен. Архивн. Коммиссіи“). Самъ авторъ,—младшій мой братъ,—пришелъ къ тому выводу, что Андреевскій соборъ съ самаго начала былъ пятиглавымъ. Такъ ли это точно, не знаю, не могу рѣшить.

г. Шахматова о владимірскомъ лѣтописаніи. Еще раньше, чѣмъ владимірскій полихронъ 1423 года и Ипатьевскій сводъ, лѣтописнымъ сводомъ начала XIV вѣка воспользовался составитель Лаврентьевской лѣтописи; какъ видно по припискѣ на ней мниха Лаврентія, отъ коего пошло и названіе ея, она составлена въ 1377 г. гдѣ-то въ предѣлахъ Суздальско-нижегородской епархіи, при Діонисіи, епископѣ суздальскомъ, нижегородскомъ и городецкомъ, при великомъ князѣ нижегородскомъ Димитріѣ Константиновичѣ и для этого именно князя; по изслѣдованію академика Шахматова, она имѣетъ въ основаніи ростовскую лѣтопись, дополняется и исправляется по общерусскому своду XIV вѣка, да по лѣтописи переславской; доведена до 1305 года, т.-е. то того же времени, до коего, предполагается, былъ доведенъ лѣтописный сводъ времени св. митрополита Петра. Съ своей стороны напомнимъ, что харатейный Лаврентьевскій кодексъ, нынѣ хранящійся въ числѣ сокровищъ Императорской публичной библіотеки, одно время находился въ нашемъ Владимірѣ, въ Рожественскомъ монастырѣ, какъ видно изъ помѣтки на наружномъ листѣ кодекса: „книга Рожественсково манастыря Володимерьского“. (Смотр. въ предислов. ко 2 изд. „Лѣтописи по Лаврент. сп.“ Археограф. Коммис. 1872, стран. VII). Наконецъ, Лаврентьевская лѣтопись и переславская послужили главными источниками для лѣтописи Радзивиловской или Кенигсбергской.

Я вкратцѣ передалъ замѣчанія и выводы академика Шахматова; я не могъ и не имѣлъ намѣренія приводить обоснованія ихъ и доказательства: кто желаетъ, и интересуется дѣломъ, такъ чтобы войти вглубь всего изслѣдованія академика, (а это, надобно признаться, требуетъ напряженнаго вниманія отъ читателя), тотъ найдетъ тамъ, что нужно. Полагаю, однако, что и въ краткомъ видѣ приведенныя здѣсь замѣчанія показались вамъ весьма важными, интересными; въ самомъ дѣлѣ, они открываютъ намъ широкія и новыя перспективы владимірскаго лѣтописанія въ XII—XV вѣкахъ; оказывается, и владимірская лѣтопись велась много лѣтъ подъ рядъ, дополнялась и редактировалась въ нѣсколько пріемовъ, надстраивалась и поправлялась, какъ тотъ соборъ, при коемъ она велась.

Въ настоящее время мы имѣемъ удовольствіе видѣть Владимірскій соборъ прекрасно возстановленнымъ трудами благочестивыхъ и образованныхъ любителей церковной русской старины; внутри, на стѣнахъ, начертана краткая лѣтопись построенія и возобновленія собора; естественно приходитъ мысль, не пора ли намъ заняться реставраціей и всей владимірской лѣтописи? Говоря безъ метафоръ: можно и нужно сдѣлать сводъ, или же выборку изъ старыхъ лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ тѣхъ извѣстій, которыя

записаны во Владимірѣ и преимущественно про Владиміръ; на первомъ планѣ здѣсь будутъ лѣтописи Лаврентьевскаго разряда, на второмъ—лѣтописи болѣе позднія, въ коихъ отразились митрополичьи владимірскіе своды XIV и XV вв. Само собою разумѣется, что выборка извѣстій должна быть сдѣлана съ критической разборчивостью и по возможности въ сокращенномъ, продуманномъ изложеніи, какъ старинною, подлинною рѣчью, такъ иногда и новой рѣчью, для избѣжанія лѣтописнаго многорѣчія, повтореній, темноты выраженій и т. п. Цѣнныя указанія академика Шахматова должны быть приняты во вниманіе, для руководства, или же для пополненій и поправокъ, если кто можетъ предложить ихъ. Такимъ образомъ составится новѣйшая такъ сказать редакція владимірской древней лѣтописи, если не собственно реставрація ея, что, конечно, гораздо труднѣе было бы сдѣлать. Въ нее войдутъ древнѣйшія извѣстія о суздальско-ростовской и владимірской странѣ, и о первыхъ князьяхъ, устроителяхъ ея; о строеніи города Володимеря на Клязьмѣ и Лыбеди (валовъ, укрѣпленій, воротъ); о постройкѣ въ немъ и по волости церквей, монастырей; объ учрежденіи во Владимірѣ особой епархіи, объ епископахъ, игуменахъ, о духовенствѣ вообще; о смѣнѣ во Владимірѣ великихъ князей, о государственной и государской хозяйственной дѣятельности ихъ; о сотрудничествѣ князьямъ всего населенія; о промыслахъ и занятіяхъ его; о возвышеніи младшаго Владиміра предъ старшими городами вѣчевыми, и о томъ, какъ владимірцы понимали свою „правду“ и поборали за нее; о склоненіи Владиміра предъ младшею Москвой, какъ постепенно оставляли его митрополиты и великіе князья; о счастливыхъ и несчастныхъ событіяхъ въ жизни Владиміра и вообще о всемъ, что жизненно интересно было для современниковъ—владимірцевъ, и что интересно намъ теперь, съ научной историко-археологической точки зрѣнія.

Я питаю намѣреніе исполнить этотъ трудъ, если силъ моихъ достанетъ для него. А пока продолжу свои наблюденія и замѣтки по содержанію владимірскихъ лѣтописей.

М. Н. Бережковъ.